

© 2003 г.

р.х. СИМОНЯН

СТРАНЫ БАЛТИИ: ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ОБЩИЕ ЧЕРТЫ

СИМОНЯН Ренальд Хикарович - кандидат философских наук, руководитель Российско-Балтийского центра Института социологии РАН.

В последнее время заметно возрос интерес российской общественности к странам Балтии. Это объясняется во многом историческими причинами - давними связями, общностью судеб России и этих стран, являющихся для нее своего рода "воротами" в Западную Европу. (Эти "ворота" тем более должны быть широкими и функционировать бесперебойно и эффективно в современных условиях). Кроме того, в данном регионе проживают сегодня полтора миллиона этнических русских, что составляет пятую часть его населения. Причем русскоязычная община, куда входят еще и представители других народов России, в отличие от ряда других постсоветских стран здесь не только стабильна, но и обладает значительным экономическим потенциалом. И не случайно в нашей печати стали чаще появляться материалы о странах Балтии хотя объем этих публикаций пока еще крайне недостаточен, а, главное, ограничен политическими или экономическими аспектами. Ощущается дефицит комплексного *этносоциального анализа* этой части постсоветского пространства. Цель данной статьи, основанной на результатах исследований, проведенных автором в последние 10-12 лет, в какой-то мере восполнить этот пробел.

Следует подчеркнуть, что специфика и свойства титульных народов Прибалтики, сравнительный анализ которых дается в этой статье, имеет самое непосредственное отношение к нынешнему социальному развитию России и стран Балтии. Различия между ними - это не просто исторические, культурные, этнические и психологические обертоны социального развития, это в значительной мере - его источник. Термин "страны Балтии" достаточно условный. И Латвия, и Литва, и Эстония - это очень разные страны, обладающие характерными *особенностями*, часто весьма существенными. И различия при определенных условиях, главным из которых является отсутствие общей опасности, скорее всего, будут расти.

В чем же заключаются их *различия*? *Исторические* связаны с тем, что Латвия и Эстония не имели сколько-нибудь значительного опыта собственной государственности, кроме короткого двадцатилетнего периода т.н. буржуазных республик с 1920 г. по 1940. В то время как Литва (Великое Княжество Литовское) в течение веков была одним из могущественных государств Европы. В Литве было и собственное сословие дворян, что также является важнейшим фактором развития культурноисторического самосознания этноса. Латыши и эстонцы как этносы сложились значительно позже.

Историки давно пришли к выводу, что для возникновения этноса нужно текстовое описание его идентичности. Так, норвежцы считают, что они как нация сложились только к середине XIX столетия, после того, как вышли в свет их грамматика и слова-

ри. К этому времени и эстонцы относят процесс складывания своего этноса. Именно во второй половине XIX века появилось самоназвание "эстонцы". До этого они называли себя "таа", т.е. "народ этой земли" ("живущие на этой земле"). Латыши, вобравшие в себя земгалов, латгалов, куршей, а также финно-угорское племя ливов, сложились как этнос к началу XVII века. Практически только со второй половины XIX века латыши, литовцы и эстонцы добиваются права получить образование на родном языке. До этого оно осуществлялось на немецком (в Латвии и Эстонии) и польском (в Литве) языках.

Конфессиональные - отделяют католиков литовцев от соседей лютеран. Если Латвия и Эстония - светские государства, и влияние церковных иерархов в государственной жизни здесь незначительное, то Литва, являясь формально также светским государством, отличается значительным воздействием костела на систему государственного управления.

Языки латышей и литовцев входят в языковую группу, одну из самых малочисленных - "балтийскую". Близость этих двух языков приводит к тому, что латыши и литовцы даже иронизируют по поводу того, какой из них является испорченным вариантом другого. Эстонцы же являются частью иной языковой группы, причем достаточно обширной - "угро-финской", куда входят венгры, финны, карелы, коми, удмурты, марийцы, ханты, вепсы и другие этнические сообщества. Возможно, именно *языковые различия* и определяют этническое своеобразие Эстонии среди народов Балтии и то, что даже среди своих соседей эстонцы выделяются меньшей общительностью и держатся особняком. Если Клод Леви-Стросс прав, утверждая, что каждый народ несет в себе свою тайну и является вечной загадкой для другого, то к эстонцам это относится в полной мере. Будучи самой малочисленной этнической группой среди титульных народов Балтии и обладая самым длительным опытом противостояния иноземцам, эстонцы выработали собственные способы защиты и сохранения этноса, главным из которых является не воинственность, а социально-психологическая автономность, закрытость, способность в неблагоприятной среде "уходить в себя". Подобное "тихое" противостояние делает этнос менее уязвимым. Выработанные столетиями механизмы выживания, а также умение быстро воспринимать и творчески осваивать новое, приспособить его для собственной пользы (даже социализм эстонцы сумели у себя сделать самым эффективным на всей территории СССР), дали возможность сохранить столь малому этносу и себя, и свой язык, и свою культуру. Присущей им генетической предрасположенностью к модернизации эстонцы очень гордятся. Эта отличительная черта национального характера используется в современном рекламнотуристическом слогане "Positively transforming" ("Изменяющаяся к лучшему страна").

Эстонцы, кстати, считают теперь свою страну скорее принадлежащей к Северным государствам (Швеции, Финляндии, Норвегии, Дании и Исландии), а себя идентифицируют как североевропейцев. Особенно эта "северная" идентификация популярна у лидеров правой части политического спектра этой республики. Хотя, возможно, если бы слово "Балтия" было бы не санскритского, а угро-финского происхождения, то для эстонской элиты эта проблема не была бы столь значимой. В последнее время и литовские политики стали избегать признания своей балтийской принадлежности. Исходя из того факта, что географически Литва по сравнению с Латвией и Эстонией расположена несколько ближе к центральной Европе, они настаивают на чисто европейском, а не балтийском статусе своего государства. И стараются как-то практически это подкреплять. Так, в отличие от соседей они включили свою страну в средневропейский временной пояс, т.е. в Литве сегодня отсчет времени производится на один час позже, чем в Латвии и Эстонии, несмотря на то, что это создает для многих граждан определенные неудобства.

Таким образом, если придерживаться современного политического контекста, то для наполнения реальным содержанием понятия "страны Балтии" остается одна только Латвия. Впрочем, если словосочетание "страны Балтии" у наших соседей все еще является достаточно ходовым, то термины "Прибалтика", "прибалты" полностью исключены из официального употребления. По мнению здешних политиков, они отно-

сятся к царско-советскому лексикону, и поэтому вызывают негативную реакцию. Так же, как и совершенно нейтральный термин "республика", который является здесь нежелательным из-за реминисценции с недавним прошлым. Поэтому Латвия, Литва и Эстония, будучи по своему устройству классическими республиками, настаивают на том, чтобы их республиками не называли. "Государствами", "странами", "субъектами международного права" и т.п., но только не "республиками". И к этому нужно относиться с определенной долей понимания, так как часто именно в таких, на первый взгляд, малосущественных деталях проявляется свойственные малым народам комплексы. Ведь они действительно принадлежат к той самой группе малочисленных этносов, из которой в последние двести лет многие исчезли, растворившись в других народах. Страх самоисчезновения является источником подобных социальных неврозов.

Социально-экономические различия определяются уровнем благосостояния, прежде всего, величиной ВВП на душу населения. По этому интегративному показателю Эстония лидирует. В 2000 г. он здесь составлял 8,6 тыс. евро, в Литве - 7,5 тыс. евро, а в Латвии - 6,7 тыс. евро. (Пока это очень далеко от стран ЕС, где средняя величина этого показателя составляла в том же 2000 г. 22,3 тыс. евро. И это несмотря на то, что в последние десять лет рост ВВП в Эстонии в два раза опережал среднеевропейский) [1, с. 263].

Есть различия, связанные с положением каждой из этих стран в общеевропейской системе разделения и кооперации труда. Так, Латвия сосредоточила свои усилия на создании эффективной банковской системы, взяв на себя своеобразную роль "прибалтийской Швейцарии". Главным двигателем экономического роста Литвы стали промышленность и сельское хозяйство. Что же касается Эстонии, то здесь происходило гармоничное развитие всех сфер народного хозяйства. В Латвии наибольший в Балтии удельный вес занятых в сфере услуг (61% против 59% в Эстонии и 54% в Литве); в Эстонии в промышленности (34% против 26% в Литве и 25% в Латвии), в Литве в сельском хозяйстве (20% против 14% в Латвии и 7% в Эстонии) [2, с. 161].

Существуют значительные различия и в долях иностранного капитала в народном хозяйстве. Так, в Эстонии почти все крупные хозяйственные объекты принадлежат зарубежному, прежде всего, западному капиталу. Эстонцы считают, что немцы или шведы являются более эффективными собственниками, так как у них больше знаний, опыта и больше возможностей для увеличения прибыли. В качестве отрицательного примера они обычно приводят ситуацию в России, где капитал поделен, собственность распределена и даже перераспределена, но эффективных собственников как не было, так и нет. По поводу неизбежного в этих условиях политического влияния иностранного капитала эстонцы, как представители маленькой страны, не проявляют беспокойства, считая, что это не таит для них какой-либо угрозы. В отличие от эстонцев литовцы, наоборот, менее склонны к дележу своей собственности с иностранцами. Здесь доля западных капиталов наименьшая в Балтии. У Литвы есть еще одна существенная особенность - равномерное распределение производственных мощностей и производительных сил по всей территории республики. Большие города здесь не перегружены промышленными предприятиями, а поэтому нет такого социального напряжения, как у соседей между столицами - Ригой и Таллинном - и провинцией.

В то время как латыши и эстонцы разрушили многие из промышленных предприятий, построенных в советское время, чтобы избавиться от "чуждой" рабочей силы (такова судьба знаменитых РАФа, рижских "Радиотехники" и ВЭФа, таллиннского "Двигателя"), литовцы оказались более прагматичными. Со своей построенной Союзом крупной промышленностью обошлись бережно. Так, флагманы литовской электроники - паневежиский "Экранас" и шауляйский "Таурас" - экспортируют свои изделия во многие страны Европы, ежегодно увеличивая прибыль.

Но наиболее ценное национальное свойство литовцев, по их собственному мнению, проявилось в том, что они в отличие от своих соседей сумели резко ограничить приток иммигрантов из других регионов СССР. Ключевую роль в этом сыграло известное постановление Совета Министров Литовской ССР в 1956 г. "О развитии малых

Динамика изменений в оценках прошлого, настоящего и будущего (1993-2000 гг.) (в % к опрошенным)

Оценка респондентов	Латыши			Литовцы			Эстонцы		
	1993	1996	2000	1993	1996	2000	1993	1996	2000
Положительно оценили социалистическую экономику	59	74	76	75	76	83	53	48	44
Положительно оценили настоящую экономическую систему	21	22	37	22	25	25	43	69	79
Отрицательно оценили настоящую экономическую систему	62	64	51	66	64	70	40	20	13
Положительно оценили экономическую перспективу в будущем	72	54	60	67	60	47	83	86	92
Позитивная оценка советской системы	36	41	52	46	43	56	32	22	48
Согласились бы вернуться в социалистическое прошлое	*	3	1	*	8	9	*	1	4
Категорически не согласились бы вернуться в социалистическое прошлое	*	87	98	*	78	91	*	89	92

Источник: Baltic Media in Transition. Edited by Peeter Vihalemm. Tartu University Press. 2002. P. 270.

* Нет данных.

городов республики", которое значительно ограничивало там объемы строительства объектов союзного значения и, соответственно, притока лимитчиков. Поэтому Литва оставалась одной из самых этнически однородных республик СССР. Благодаря гибкой политике руководителей Литвы, к моменту распада СССР в августе 1991 г. литовцы составляли в своей республике 80,3% населения. Это заметно отличало ее от Эстонии (61,4%) и тем более от Латвии, где доля латышей в общем балансе жителей едва превышала половину (51,8%) [3, с. 62]. Именно это обстоятельство во многом определило тональность их взаимоотношений с Россией после обретения суверенитета. Если Литва легко смогла предоставить возможность всем проживающему на ее территории получить гражданство (т.н. "нулевой вариант"), то Эстония и в еще большей мере Латвия установили для нетитульных жителей жесткие правовые ограничения.

Все это помогает понять, почему латыши, литовцы и эстонцы по-разному оценивают социально-экономическую ситуацию в прошлом, т.е. во времена СССР, в настоящем и в будущем (в пятилетней перспективе). Из табл. 1 видно, что самая низкая оценка прошлого у эстонцев, у них же и самые высокие ожидания от будущего. У литовцев, наоборот, прошлое оценивается весьма положительно, можно даже говорить о ностальгии, а вот будущее представляется не столь радужным. Латыши характеризуются средним положением между этими двумя крайностями. У них оценка прошлого выше, чем у эстонцев, но ниже, чем у литовцев. И ожидания от будущего выше, чем у литовцев, но ниже, чем у эстонцев.

Балтийским народам свойственна особенно глубокая привязанность к своей земле, что давало повод в советские времена с легкой иронией квалифицировать это качество с помощью термина "хуторяне". Крепостное право здесь было отменено в 1816 г., на 45 лет раньше, чем в остальной части Российской империи. В фольклоре этих народов даже отсутствуют фразеологические единицы, характеризующие человека без роду и племени, т.е. то, что у русских выражается словосочетаниями "Иван, не помнящий родства" или "Человек без роду, без племени". Среди народов Балтии, безусловно, самыми оседлыми являются эстонцы¹. Эстонские общины за рубежом возникли по большей части в силу чрезвычайных обстоятельств - после второй мировой войны, в результате вынужденной эмиграции противников советского режима, многие из которых воевали на стороне Германии², и всех тех, кто опасался повторения сталинских репрессий и депортаций. Литовцы же отличаются наибольшей мобильностью из балтийских народов. Список стран, где существуют литовские общины, гораздо обшир-

нее, чем у соседей. Возможно, что повышенная мобильность литовцев связана с географическими факторами. Литовцы исторически относятся к континентальным народам, а латыши, и особенно эстонцы, - к приморским. Море как естественная преграда ограничивает миграционный запал. С другой стороны, море является источником жизнеобеспечивающего промысла, что также удерживает приморские народы от миграции. Поэтому в отличие от славян, которые в случае истощения земель могли легко перебраться на новые, более плодородные, народы Прибалтики вынуждены были научиться выживать на своих малопродуктивных, болотистых землях. Это, естественно, вырабатывало психологические механизмы глубокой привязанности к территории проживания и соответствующее национальное мировосприятие.

Если Литва - самая крупная страна Балтии, ее население составляет 3,7 млн. чел., то Эстония - самая маленькая, здесь всего лишь 1,37 млн. чел. (в том числе самих эстонцев около 920 тыс.) [2, с. 250]. Возможно, что именно небольшая величина населения этой республики, помимо многих других причин, и определила максимальный по сравнению с соседями поток сюда западных инвестиций. Эстония, которая при советской власти успешно играла роль "витрины социализма", теперь с таким же успехом на всей постсоветской территории демонстрирует преимущества свободного рынка. Во многих сферах народного хозяйства достижения эстонцев заметно превосходят аналогичные достижения своих соседей - латышей и литовцев.

Не меньшая разница и в *национальной психологии* трех балтийских народов. Это во многом определяло различия в политике, которую они проводили по отношению к центру. Если эстонцы держали себя несколько отстраненно, демонстрируя, с одной стороны, предельную лояльность, а с другой, не проявляя особой заинтересованности в признании центра, то для латышей такое признание было приоритетной ценностью. Латвийское руководство всегда проявляло максимум инициативы и исполнительности, чтобы добиться расположения Москвы, и это старание соответственно вознаграждалось: в состав Политбюро ЦК КПСС латыши входили постоянно, а Рига официально считалась столицей Прибалтики.

Что касается литовцев, то они осуществляли самую гибкую и самую продуктивную тактику взаимоотношений с союзным центром. Руководители этой республики старались соблюдать тот уровень близости и теплоты, который был принят в отношениях между "братскими" республиками и центром. Последнее удавалось им легче еще и потому, что литовцы в силу исторических причин психологически очень близка к славянам нация. Они лучше понимают русских, чем латыши и эстонцы. Литовцы более эмоциональны, более изобретательны, и свойственный балтийским народам немецкий педантизм не так настойчиво проявляется в их повседневном общении. Славянская компонента в национальном характере литовцев и создает заметные различия между ними и их соседями, особенно в быту, в повседневной жизни. А сельский уклад, например, жителей Литвы и Белоруссии практически неразличим.

Литовцы, в отличие от христианизированных в начале XIII в. эстонцев и латышей, еще долго оставались язычниками, что наложило свой отпечаток на национальный характер. Из трех элементов, составляющих человеческое сознание, - рациональный, эмоциональный и иррациональный - последние два у литовцев все-таки несколько более резко выражены, чем у латышей и эстонцев. Что также их в какой-то мере роднит со славянами. Литовцы отличаются и наибольшей воинственностью, они гораздо успешнее других народов Балтии противостояли рыцарям Тевтонского Ордена. После окончания второй мировой войны литовские лесные партизаны ("зеленые братья") дольше других - до середины 50-х гг. - сопротивлялись Советской Армии. То, что литовцы умеют постоять за свои интересы, показывает реакция населения Литвы осенью 1999 г. на заключение пресловутой сделки правительства консерваторов с американской компанией "Вильямс" в связи с приватизацией нефтеперерабатывающего завода "Мажейкяй нафта"³. Возмущение откровенно политической, прозападной и экономически крайне невыгодной сделкой собрало перед зданием Сейма Литвы 70-тысячную демонстрацию протеста. Прибывшие со всех концов республики митингую-

щие заполнили всю площадь перед парламентом и бурно выражали свое возмущение. Меня, как свидетеля происходящего, поразил резкий контраст этого события с глубокой политической апатией населения России. В итоге одиозная сделка с "Вильямсом" очень дорого обошлась консерваторам. На состоявшихся через год парламентских выборах правящая до того консервативная партия потерпела сокрушительное поражение, получив всего 9 мест из 141. Общественно-политические процессы, произошедшие в Литве в 1999-2000 гг., убедительно свидетельствуют о высоком уровне гражданской зрелости литовцев. Но это уже общее свойство всех трех балтийских народов.

Остановимся подробнее на характеристике *общего* между тремя балтийскими народами. В рамках СССР Латвия, Литва и Эстония всегда воспринимались как нечто единое целое - "Прибалтика", которая для массового сознания советских людей являлась одновременно и форпостом западной цивилизации, и наиболее благополучным регионом, и местом престижного отдыха, и примером рационально организованного быта. Начиная с двадцатых годов прошлого столетия социально-экономическое развитие Латвии, Литвы и Эстонии было сходным. Более высокий уровень экономического развития в этих странах по сравнению с Россией сохраняется и в настоящее время.

Впрочем, существуют более глубокие детерминанты, объединяющие эти народы в особое *этнокультурное сообщество*. То, что их роднит, связано, главным образом, с историческими судьбами последних трех-четырех веков. Это обычная участь региона, расположенного или между большими государствами, или на границе цивилизаций. Население таких территорий обладает определенным набором качеств, которые необходимы в первую очередь для выживания. В числе этих защитных свойств много тех, что заметно отличают их от русских. Они менее открыты и, соответственно, не так душевны и откровенны, в их поступках доминируют не эмоциональное, а рациональное начало, не размахистость, а сдержанность, осторожность. Общинность и собранность здесь явно уступают индивидуальности. Но, помимо дисциплинированности, бережливости и аккуратности, внимания к деталям, мелочам, главное, что отличает их от русских - они не так политически доверчивы и наивны. Именно эти национальные качества и, прежде всего, инфантильность общественного сознания дали повод знаменитому русскому философу Н. Бердяеву определить национальную психологию русского народа как женскую. И в этих различиях состояний этнического сознания, на мой взгляд, заключается кардинальное отличие русских от латышей, литовцев и эстонцев. Здоровый скептицизм, который даже не всегда присущ индивидуальному сознанию высокообразованного русского интеллигента, составляет важнейший элемент массового сознания всех без исключения слоев и социальных групп народов Балтии. Качество, без которого невозможно сохранение любой популяции, а уж тем более многочисленной.

Общим объединяющим свойством народов Балтии является их глубокое уважение к знанию, культуре, образованию. Интеллигенция здесь всегда пользовалась огромным авторитетом. Почтительное и бережное отношение к образованным соотечественникам резко отличает эти народы от россиян.

Но наиболее важной духовной чертой, присущей этим народам, является *преобладание западноевропейских этических ценностей в их менталитете*. Влияние права и этики Средневековой Европы, привитой немецкими рыцарями-завоевателями за семь веков их владычества, сказывается в этом регионе на многом, но особенно оно наглядно проявляется в отношении населения к таким ценностям, как законопослушность, договоренность, обязательность. В общей системе ценностей они являются *базовыми*⁴. Именно эти качества, наряду с организованностью и высокими требованиями к быту, создавали народам Балтии репутацию "советских европейцев" в глазах остального населения Советского Союза. А со своей стороны, литовцы, латыши и особенно эстонцы воспринимали представителей других национальностей, в том числе и русских, как людей часто "необязательных", "незаконопослушных".

Общие проблемы выживания в условиях постоянных изменений политической конфигурации в этой части Европы, общие психологические механизмы сопротивле-

Этнический состав предпринимателей в странах Балтии (в %)

Страны	Этнические группы респондентов	1993/1994 гг.	1996/1997 гг.
Латвия	латыши	20,2	31,5
	русские	59,5	53,8
	остальные	20,3	14,7
Литва	литовцы	81,6	85,4
	русские	9,1	8,4
	остальные	9,3	7,2
Эстония	эстонцы	66,7	71,6
	русские	21,9	19,6
	остальные	11,3	8,8

ния более могущественным захватчиком (шведам, датчанам, полякам, немцам, русским) определенным образом сплотили эти народы, заставили их руководителей действовать в экстремальных ситуациях сообща. Что и было в полной мере продемонстрировано в период движения за суверенитет сначала экономической, а затем политической в конце 80-х - начале 90-х гг. XX века.

После достижения суверенитета перед странами Балтии встали фундаментальные задачи социально-экономических преобразований. К 1996-1997 гг. в них завершился переход к либеральной экономике, произошло становление внутреннего рынка, в основном завершилась приватизация средних и крупных предприятий, сложился рынок труда. Тогда же завершилось в целом формирование новой социальной структуры, и прежде всего, предпринимательского корпуса, составившего к концу 1997 г. 8-10% занятых в народном хозяйстве республик. Все это оказало существенное влияние на этнические процессы в данном регионе. Рассмотрим это на примере класса *предпринимателей*.

Под руководством автора с 1993 по 1997 гг. в странах Балтии были проведены мониторинговые исследования по широкому кругу проблем формирования упомянутого класса. Репрезентативная выборочная совокупность на основе данных государственных регистрационных палат составила в Латвии 530, в Литве 615, в Эстонии 320 респондентов - владельцев или руководителей предприятий, которые были опрошены с помощью социологических служб "Виедоклис" и "Социо" в Латвии, отдела социологии Института философии, социологии и права академии наук в Литве, социологической службы "СаарПол" в Эстонии⁵. Формирование предпринимательского корпуса в странах Балтии, как это видно из табл. 2, сопровождалось сдвигами в его *этнической структуре*. Русские, вытесненные из основных сфер государственного и административного управления, составляли значительную долю нового социального слоя в 1993-1994 гг. Но уже спустя три года представители титульных наций оценили новые возможности самореализации в этой деятельности, увеличив тем самым общее количество занятых в бизнесе и, соответственно, уменьшив в нем долю русских.

Анализируя этническую структуру нового класса в указанных странах, следует исходить из сложившейся реальной дифференциации, которая строится по бинарному принципу: титульные и нетитульные нации.

Приняты здесь термины "нелатыши", "нелитовцы" и "неэстонцы" имеют синоним "русские" или более точный - "русскоязычные". Так, в Латвии в 1996 г., как это видно из табл. 2, не вошедшие по строго этническому признаку в две основные группы - латышей и русских - и отнесенные к "остальным", составляли всего 14,7%. Это, прежде всего, этнические белорусы, украинцы, евреи, татары, армяне и представители других народов бывшего СССР, т.е. русскоязычные, которых здесь никто не разделяет с собственно русскими и причисляет к единой "русской" общине. Поэтому для Латвии и Эсто-

нии выделение статистической группы "остальные" носит в известной мере формальный характер. К Литве это относится в меньшей степени из-за наличия польской диаспоры, которая составляет там около 7% населения республики.

Из той же таблицы следует, что самые сильные позиции у русской диаспоры в экономике Латвии, финансовый капитал которой наиболее тесно связан с Россией. На июль 2002 г. в этой республике было зарегистрировано свыше 1350 российских и латвийско-российских предприятий - это больше, чем аналогичных предприятий в Литве (1120) и Эстонии (570). В Латвии и наибольшая среди стран Балтии доля теневого бизнеса. Завершая анализ данных мониторинговых исследований, обратим внимание на два обстоятельства. Во-первых, начальный этап формирования рынка, характеризующий массовым участием в нем представителей русской общины, завершился. Во-вторых, несмотря на значительный приток представителей титульных народов, предпринимательский корпус в странах Балтии сохранил значительную русскую составляющую. Это надо иметь в виду, когда речь идет об экономических связях и отношениях названных стран и России.

В общем, процесс капитализации в балтийском регионе развивался отнюдь не синхронно, но уже ко второй половине 90-х гг. социальная структура рыночного хозяйства сложилась во всех трех странах. И во всех трех сохранились и даже возросли различия в уровне социального развития⁶, что, естественно, сказывается на состоянии общественных настроений их населения. По данным опроса общественного мнения в рамках программы ЕС "Евробарометр" (2001 г.) только 39% литовцев довольны своей жизнью (в Латвии - 55%, в Эстонии - 50%). Более половины (52%) жителей Литвы полагают, что в последние 5 лет уровень жизни в Литве снизился (соответствующий показатель в Латвии - 35%, в Эстонии - 33%). Жители Литвы без особого оптимизма смотрят в будущее. Только 27% респондентов надеются, что через 5 лет их жизнь улучшится (в Эстонии - 37%, в Латвии - 39%), 26% уверены, что будут жить хуже (в Эстонии таких 16%, в Латвии - 10%), а 31% - что их жизнь не изменится (в Эстонии - 32%, в Латвии - 36%) [4, с. 4]. Как видим, жители Литвы - самые большие пессимисты по сравнению с соседями. Возможно, это объясняется тем, что, как отмечалось, во времена СССР литовцы получали из союзного бюджета существенно больше, чем другие республики Прибалтики. Еще не стершийся в памяти высокий уровень благосостояния большинства жителей Литвы в советский период, вероятно, оказывает влияние на нынешнее состояние их общественных настроений.

Констатируя определенный рост различий в современном социально-экономическом развитии стран Балтии и общественных настроениях их населения, хотелось бы, в заключение, обратить внимание на следующее обстоятельство. Если в конце 80-х - начале 90-х гг. у титульных народов Балтии доминировали экзистенциально окрашенные интересы (стабильность, безопасность, солидарность), то сегодня характерен заметный сдвиг к прагматическому и индивидуальному поведению. Стабилизация государственности не только укрепила чувство безопасности, но и способствовали пониманию того, что с русской общиной разумно и полезно ладить, более того, ее следует использовать при построении современного демократического государства с либеральной экономикой. Господствующим становится мнение, что жизненно важные для общества цели не могут быть достигнуты в ситуации, когда в государстве имеются сотни тысяч жителей с неопределенным правовым статусом. Отмеченный многими аналитиками *парадокс перемен в массовом сознании населения Балтии* состоит в следующем. У русских 10-12 лет назад вызывала беспокойство закрытость титульных ("хуторян"), а те в свою очередь считали, что опасность исходит от инородцев. Сегодня же, наоборот, уже многие титульные считают, что потенциальным источником опасности стала именно закрытость инородческого сообщества и связанная с этим этническая разделенность общего социума. И что именно неясность перспектив является одной из главных причин самодостаточности русской общины, ее замыкания в своей языковой среде. Таким образом, казавшаяся раньше спасительной категория "закрытость" представляется титульным жителям Балтии уже несколько в ином свете.

ПРИМЕЧАНИЯ

Для эстонца родной дом ("Kodumaa") - это часть самого себя, т.е. одна из базовых ценностей, в содержании которой отражается глубокая привязанность человека к родному очагу, родине, памяти предков. Чувство органического единения его со своей землей так велико, что разорвать эту связь для него это слишком большое испытание. Поэтому он с большим удивлением и настороженностью воспринимал появление на своей земле огромной армии пришельцев, с легкостью покинувших землю своих отцов. В этом смысле эстонец - полная противоположность русскому, дистанция здесь между русскими и эстонцами огромная. В рядах Советской Армии было около 35 тыс. эстонцев, на стороне вермахта - более 45 тыс. Национал-радикалы упорно не хотели допускать Россию к участию в приватизации МНПЗ, хотя нефть может поступать сюда только из России. После разгрома партии консерваторов на парламентских выборах 2000 г. российский "Лукойл" получил свои 27% акций (столько же, сколько и американцы), и справедливость была восстановлена.

Эти качества были эффективно использованы российскими большевиками во время гражданской войны. У руководителей тогдашнего советского правительства не было более надежных воинских подразделений, чем латышские. Знаменитым "красным латышским стрелкам" поручались самые ответственные задания. Многие отечественные историки считают, что без латышских отрядов советское правительство не смогло бы удержать власть. Представители балтийских народов иногда становятся жертвами собственной педантичной аккуратности в выполнении своих обязанностей. Так, по рассказам бывших узников сталинских лагерей, эстонцы и латыши, в отличие от других солагерников, никогда не пользовались представившимся удобным случаем, чтобы передохнуть от работы. На предложение товарищей по несчастью сделать передышку, пока нет надзирателя ("вертухая"), ответ был один: а как же норма? Норму они выполняли почти всегда, но зато значительно чаще других обитателей ГУЛага погибали там от истощения. Подробнее о результатах мониторингов см.: "Социологические исследования", № 11, 1997; "Вопросы экономики", № 12, 1997; "ЭКО", № 3, 1998.

Например, в Эстонии средняя пенсия по старости в середине текущего года составляла примерно 100 долларов США, в Латвии 92, в Литве 76. Средняя брутто-зарплата в Эстонии около 350, в Латвии - 245, в Литве - 260 долларов США [1, с. 279]. При этом стоимость жизни в Литве ниже, чем в Эстонии и Латвии, в последней к тому же и наибольшая имущественная дифференциация (во многом из-за русской общины) населения. За счет более высокой средней заработной платы и пенсии в Эстонии реально самый высокий в нынешней Прибалтике уровень жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Baltic Media in Transition. Edited by *Peeter Vihalemm*. Tartu University Press. 2002.
2. OECD Economics surveys 1999-2000. The Baltic states. OECD. 2000.
3. Сборник аналитических докладов по материалам переписи населения 1989 г. М.: Республ. информ.-изд. Центр Госкомстата РФ, 1992.
4. *Молодежь Эстонии*. Таллин, 3 апреля 2002 г.